

Кризис демократии и проблема демократического мира

И.Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье выполнен анализ трех волн кризиса демократии в период XX–начала XXI века. В качестве причины первого кризиса демократии в начале XX века указано возникновение и развитие публичной политики, поставившей под вопрос управление большинством, обладающим конфликтогенным потенциалом. Этим была обусловлена необходимость контролировать и сдерживать власть народа и всеобщее избирательное право посредством СМИ и пропаганды для поддержания стабильности системы. Вторая волна кризиса демократии (последняя треть XX века) связана с разрушением конвенционального мира и ослаблением национального государства; ее маркерами стали нарушение равновесия между ветвями власти, доминирование экономики над политикой, преобладание равенства над свободой, проблематизация осуществления прав человека и, как следствие, невозможность реализовать на практике национальную форму демократии. Третья волна кризиса (начало XXI века) связана с трансформацией демократии в постдемократию, в которой на смену власти народа приходит власть глобального капитала, а иллюзия согласия закрепляется запретом на альтернативные точки зрения и сужения пространства вопросов, допустимых для обсуждения во имя безопасности. Кризис политики достижения мира посредством трансформации баланса сил в баланс интересов поставил под сомнение установки демократии. Постдемократии оправдывают применение силы для распространения демократии во всем мире и принимают активное участие в современных военных конфликтах, которые правомерно определить как гибридные прокси-войны. Опираясь на концепцию коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, автор статьи делает вывод о том, что для преодоления кризиса демократии необходимо как принять возможность альтернативы этой форме правления и допустить обсуждение маргинальных вопросов, так и вернуть большинство в пространство политического, в подлинную коммуникацию, делая ставку на его просвещение.

Ключевые слова: философия политики, социальная философия, постдемократия, капитализм, элиты, власть большинства, война, коммуникация.

Сидоренко Ирина Николаевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета.

iri_na2000@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

Для цитирования: Сидоренко И.Н. Кризис демократии и проблема демократического мира // Философские науки. 2022. Т. 65. № 3. С. 39–57. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-39-57

The Crisis of Democracy and the Problem of Democratic Peace

I.N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The author analyzes three waves of the crisis of democracy during the 20th and early 21st centuries. The first crisis of democracy in the early 20th century is caused by the emergence and development of public politics, which challenged the possibility to govern the masses having conflict potential, it balanced the power of the people and universal suffrage with the control of the media in order to maintain the stability of political system. The second wave of the crisis of democracy (the last third of the 20th century) is associated with the destruction of the conventional world and the weakening of the nation-state; and its markers were: the imbalance between the branches of government, the domination of economics over politics, the predominance of equality over freedom, the problematic implementation of human rights, and, as a consequence, the inability to put into practice the national form of democracy. The third wave of crisis (early the 21st century) is accompanied by the transformation of democracy into post-democracy, in which the power of the people is replaced by the power of global capital, and the illusion of consent is reinforced by the prohibition of alternative points of view and the narrowing of the space of issues allowed for discussion in the name of public security. The crisis of the policy to achieve peace through the transformation of the balance of powers into a balance of interests called into question the principles of democracy. On the contrary, post-democracies justify the use of force to spread democracy around the world, and they take an active part in contemporary military conflicts, which can

rightly be defined as hybrid proxy wars. Drawing on J. Habermas's concept of communicative rationality, the author concludes that to overcome the crisis of democracy it is necessary to accept the very possibility of an alternative to this form of government and allow to discuss these previously marginalized issues as well as to maintain the return of the majority to genuine communication and politics, contribute to its enlightenment.

Keywords: philosophy of politics, social philosophy, post-democracy, capitalism, elites, majority rule, war, communication.

Irina N. Sidorenko – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of the Philosophy of Culture, Belarusian State University.

iri_na2000@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

For citation: Sidorenko I.N. (2022) The Crisis of Democracy and the Problem of Democratic Peace. *Russian Journal of Philosophical Sciences=Filosofskie nauki*. Vol. 65, no. 3, pp. 39–57.

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-65-3-39-57

Введение

Переход от биполярного к многополярному миру в конце XX – начале XXI века затронул как геополитическую структуру мира, так и выявил кризисное состояние демократии. Это привело к разбалансировке политических сил и интересов, деградации международных отношений, разрушению конвенциональных оснований социально-политических и коммуникативных процессов, ядерной угрозе и новой мировой войне. Опыт прошедших мировых войн и интеграция населения в проект повсеместной милитаризации сполна отображали процесс низведения субъекта до функционального звена тотальной системы, выход из которой для него невозможен.

Несмотря на существенную либерализацию мировых политических режимов, в наши дни осознание собственной свободы привело индивида лишь к большему удостоверению в своей зависимости от комплекса универсальных нормативных структур. Избавление от нынешней ценностной парадигмы в границах современного капиталистического общества стало немыслимым, что еще более подтверждается каскадом его идеологических ориентиров: надежды социалистической революции, подтвердив свою несбыточность, уступили место социал-демократии, онтологически обусловленной капитализмом. В результате положение человека современности оказалось целиком подчинено

регламентациям, которые определены его соответствием категориям отчуждения и дегуманизации – атрибутам современного общества.

Три волны кризиса демократии в период XX – начала XXI века

Кризис демократии в начале XXI века – это не одномоментное и экстраординарное явление. Если в качестве исследуемого периода выбрать XX – начало XXI века, то полагаем правомерным будет говорить о трех волнах этого кризиса: 1) начало XX века; 2) последняя треть XX века (с 1968 года); 3) начало XXI века (примерно с 2008 года).

Возникновение публичной политики в начале XX века, в которой активную и доминирующую роль стали играть политические партии и движения, а основным признаком демократии послужило общее избирательное право, инициировало первую волну кризиса демократии. Она совпала с кризисом либерализма, поставившим под вопрос идею прогресса. Основная задача, стоявшая перед политическими элитами, заключалась в том, чтобы оказывать максимальное влияние на большинство в ситуации, если это большинство допущено до избирательных урн. Для выполнения этой задачи использовались СМИ: газеты, журналы, радио, позднее – телевидение, которые стали мощным фактором воздействия.

В итоге сложилась опасная конфликтогенная ситуация, при которой в возникающей новой социально-политической реальности (Первая мировая война стала вестником и маркером этого нового мира) у людей нет согласия как по поводу образа реальности, так и относительно того, какие социально-политические практики будут успешными [Lang 2000, 272]. Вместе с тем, исходя из сути либеральной теории, становится очевидным, что конфликты угрожают свободе, независимости и в целом существованию демократического общества [Бенетон 2002, 77]. Соответственно, решить проблемы управления в этом обществе видится возможным посредством «контролируемого общественного мнения» [Липпман 2002]. Американский писатель и автор концепции общественного мнения Уолтер Липпман писал: «...безопасность рассматривается как необходимое условие функционирования демократии. Замкнутое сообщество основывается на идее минимальных волнений и беспокойств. Отсутствие демократии пред-

полагает возможность сюрпризов. Это означает, что существуют люди, которые влияют на твою жизнь, но которых ты не можешь контролировать и с которыми ты не можешь советоваться. Это также означает действие сил, нарушающих привычный ход событий, создающих новые проблемы...» [Липпман 2002, 259]. И если классическая теория демократии исходила из рациональности человека, а значит, естественного управления и веры в то, что «врожденная добрая воля и инстинктивная способность к государственной деятельности каждого человека могли претвориться в действие» [Липпман 2002, 294], то публичная политика основывалась на двух постулатах: 1) социально-политическая среда не является прозрачной, и в ней стихийное управление опасно, т.к. 2) люди не могут все знать, их знания ограничены. Соответственно, в демократии большинству должна быть отведена роль зрителя, который отдает свой голос на выборах и возвращается в свой приватный мир. Именно поэтому У. Липпман определял демократию как великую иллюзию и уподоблял ее пещере Платона. Но, если Платон видел задачу философа в том, чтобы не только выйти самому и познать благо-солнце, но и вывести остальных, то американский мыслитель полагал, что сообщества интеллектуалов и стоящие у них на службе СМИ должны поддерживать эту иллюзию, т.е. пребывание большинства в пещере для сохранения стабильности и безопасности в обществе. Так, первая волна кризиса демократии показала, что власть народа и всеобщее избирательное право должны контролироваться и сдерживаться для поддержания стабильности социально-политической системы.

Вторая волна кризиса демократии связана с разрушением конвенционального мира и ослаблением национального государства. Для общества «организованного модерна» (до 1968 года) характерна конвенционализация во всех сферах его жизнедеятельности, она выступала средством уменьшения общественной неопределенности и способствовала тому, что социальный мир был в большей степени управляемым. Например, тотализация социального надзора вела к исчезновению непрозрачных социальных пространств, а стандартизация поведения обеспечивала укрепление социальной стабильности и выступала основой солидарности. Однако в последней трети XX века искусственно удерживаемое равновесие мира посредством конвенциональности исчезло. В результате – ослабление роли партий и элиминация

большинства из политического пространства, т.е. произошла «тихая» революция элит.

В качестве основных характеристик второй волны кризиса правомерно выделить следующие. Во-первых, это – нарушение равновесия между ветвями власти. В частности, происходит укрепление исполнительной власти, сопровождающееся ослаблением, потерей авторитета парламента. Основанием политического представительства становится отождествление избирателя с личностью главы государства, политической партии, др. Коллективная воля оказалась под вопросом. Она – новая иллюзия демократии, иллюзия согласия, т.к. ни правительство, ни институт президента, ни политическая элита не способны представить волю большинства.

Во-вторых, растет доминирование экономики над политикой. Полагаем справедливым использовать термин «кризис политического» немецкого мыслителя Карла Шмитта по отношению к этому процессу в последней трети XX века [Шмитт 2000]. Государство постепенно превращается в фирму, чьи интересы ограничиваются прибылью и принятием эффективных, но тактических решений. Из-за этого неминуема потеря политического горизонта и регрессия стратегической мысли. Политик превращается в менеджера, а удел большинства – это апатия, иначе оно станет угрозой стабильности общества. Ситуация «кризиса политического» опасна еще и тем, что разбалансировка сил и интересов экономики и политики приводит к ситуации, в которой одна рука не ведает, что творит другая. Так, итальянский юрист и политический философ Луиджи Ферраджоли пишет: «Процесс такого смешения властей и интересов начинается с помощью установления господства рынка над общественной сферой, за которым соответственно следует подчинение правительственных властей огромным частным силам и интересам и установление тесных союзов между силами политики и средствами массовой информации» [Ferrajoli 2005, 56]. Итогом становится выхолащивание содержания речи политика, она начинает выполнять роль ширмы, скрывающей интересы капитала. Как следствие, возрастает роль СМИ и пропаганды. Такая коммерциализация политики приводит и к коммерциализации военной сферы, формированию рынков насилия за счет ослабления национального государства [Сидоренко 2014, 647]. Мы сталкиваемся с парадоксом демократии: свобода и равенство лишь в теории взаимосвязаны. На

практике свобода в пространстве экономических отношений не предполагает равенства, которое оборачивается стандартизацией, минимизацией социальной активности и апатичной усредненностью. Более того, свободная рыночная экономика непрозрачна, она едва ли поддается управлению. Поэтому проблема безопасности демократического общества продолжает быть актуальной: свобода грозит анархией, а значит, необходимы сдерживающие ее механизмы, в результате которых происходит смешение различий между армией и полицией, между внешними и внутренними угрозами.

В-третьих, в дилемме «равенство или свобода» получает преимущество равенство, понимаемое специфически: как равенство групп национальных, гендерных, религиозных и т.п., но не как равенство личностей. Таким образом, из политической сферы исключается личность, она утрачивает значимость своей позиции, точки зрения. Отдельный человек не интересен политической элите, т.к. один голос ничего решает в демократии массовидного большинства. В свою очередь, такое ложно понятое равенство ставит под вопрос права человека [Тэтчер 2003]. Иными словами, для их реализации необходимо еще доказать, что ты есть человек, т.е. являешься представителем той или иной группы, которую в данный момент защищают. Абстрактная формулировка прав человека практически не оставляет шансов конкретному человеку из плоти и крови. Такой регресс прав человека связан и с ослаблением национального государства.

Маргарет Тэтчер, характеризуя проблематичность Европейской хартии фундаментальных прав, отметила следующее: «Цель заключается в подчинении суверенных государств, демократических процедур принятия решений и национальных законодательств международным институтам и группам давления. А в философии, прикрывающейся зонтиком прав человека, явно угадываются традиционные левые взгляды к новым условиям» [Тэтчер 2003, 311]. Значимы в этом контексте и слова Л. Ферраджоли: «В век глобализации будущее каждой страны зависит все меньше от внутренней политики и все больше от внешних решений, принятых на внегосударственных политических форумах или глобальными экономическими силами» [Ferrajoli 2005, 58]. Следовательно, вместе с правами человека под вопрос ставится и национальная форма демократии, она оказывается невозможной. Итак, вторая волна кризиса привела к формированию молчаливого

и апатичного большинства, интерес к которому элиты проявляют лишь в период избирательной кампании.

Третья волна кризиса демократии связана с формированием «постдемократии». Термин принадлежит английскому социологу Колину Краучу. Под постдемократией он подразумевал систему, в которой, «несмотря на проведение выборов и возможность смены правительств, публичные предвыборные дебаты представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые владеют техниками убеждения, и ограниченный небольшим кругом проблем, отобранных этими командами. Масса граждан играет пассивную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы. За этим спектаклем электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика, которая опирается на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми кругами» [Крауч 2010, 19]. Так, постдемократия выступает «покрывалом майи» для дрейфующих к авторитаризму и даже тоталитаризму неолиберальных капиталистических обществ; это – спектакль, который разыгрывается только для того, чтобы сбить с толку внимательный взгляд, скрыть реальное положение дел; происходит сужение поля допустимых к обсуждению проблем. Для подтверждения целесообразно сослаться на мнение польского социолога Ежи Вятра, справедливо полагающего, что «крах либеральной демократии... отчасти является результатом утраты веры в стабильность и безопасность рыночной экономики, не без оснований считавшейся экономической основой либеральной демократии, что, в свою очередь, связано с мировым финансовым кризисом 2008 года. На этом фоне набирают силу популистские движения ярко выраженного националистического, а иногда и расистского характера. Растет разочарование граждан, особенно молодых поколений, что проявляется среди прочего во все более низких показателях участия в выборах. Происходит становление авторитарных режимов нового типа. Нынешняя волна “авторитарного популизма” выражает разочарование и мрачные настроения тех социальных классов, которые перестали чувствовать, что их социально-экономическое положение и культурная идентичность остаются в безопасности. Сущность нового авторитаризма заключается в том, чтобы создать максимально централизованную систему управления, в которой вся власть была бы сосредоточена в одном правящем центре»

[Вятр 2019, 79]. Постдемократия – это уже власть не народа, а власть ТНК и таких мультинациональных предприятий, как Всемирный банк, Международный валютный фонд и др.

Исходя из семантической конструкции фразы, становится понятным, что постнациональная демократия представляет собой уже не иллюзию согласия, а принуждение к согласию между политическими агентами вне учета их национальной специфики – феномена, кристаллизованного в идеологеме глобализации. В этом контексте представляется целесообразным обратиться к опыту XX века, т.е. предпосылке к тотализации подобных практик, непосредственно оспаривающих нормативные представления об архитектуре мировой политики в целом. Так, первичный прецедент массовизации, получивший сущностное воплощение в тоталитарных режимах XX века, может быть рассмотрен как попытка выражения радикального протеста в аспекте повсеместной стандартизации. Однако в этом случае важно учитывать национальную специфику каждого из вышеупомянутых государств: если в случае Советского Союза имела место экстраполяция спекулятивно марксистской доктрины, то в случае Германии лейтмотивом выступили обращение к национальному сознанию и его соответствующая политизация. Это привело к тому, что проявление противоречивых и внеморальных доктрин в форме массовых движений послужило «лакмусовой бумажкой» кризиса традиционных политических режимов. Соответственно, на этом фоне необходимость в нахождении срединного пути между фантазмами национальной гегемонии и утопическим движением ко всеобщему равенству оказалась актуализирована в демаркации зон влияния между странами как носителями определенного типа идеологии в послевоенный период. Несмотря на масштабный географический ареал просоветски настроенных стран, фактически они были лишены возможности воздействовать на последовательно диверсифицируемую капиталистическую повестку. Одной из причин чему являлась всеобщая стигматизация марксистских движений после процесса десталинизации в Советском Союзе.

Таким образом, уже в середине XX века мировая политика совершила «великий поворот» в сторону либерализма, а с ним – к декларативному снятию любых форм неравенства. В этот же период роль мирового гегемона оказалась делегирована США как стране, избежавшей прямого вовлечения в мировые конфликты, а значит, сумевшей подтвердить эффективность капиталисти-

ческой системы. В сущности, дальнейшие военизированные выступления, нацеленные на противодействие антидемократическим движениям (война во Вьетнаме, в Персидском заливе и др.), стали закономерной пролонгацией идеологии всеобщей стандартизации. Действительно, если в начале XX века мировая политическая арена представлена совокупностью самодостаточных государств, обладавших собственной политической стратегией и институтами, то впоследствии они оказались вынуждены дистанцироваться от автономных моделей развития. Как следствие, императив гомогенизации социально-политических и культурных практик ознаменовал собой оформление «постнациональных» государственных образований, в которых атрибуты обществ эпохи модерна (право, мораль, индивидуальное сознание) уступают место потребительству. Итак, правомерно констатировать, что по мере некритического принятия капиталистической аксиологии и деструкции национального самосознания любые вариации геополитического взаимодействия в современности являются постнациональными.

Постдемократия использует репрессивные механизмы воздействия и подавления, но мягче и виртуознее, нежели авторитарные и тоталитарные режимы [Бособрод 2014]. Принуждение к согласию в неолиберальных демократиях осуществляется во имя безопасности, и неявные, а подчас и открытые формы репрессивности, легитимны этим демократическим фетишем. Возрастающая агрессивность постдемократии связана с отсутствием ее четких критериев. Целесообразно отметить, что в научном сообществе нет согласия относительно универсального содержания понятия «демократия», пригодного для всех возможных социокультурных контекстов. Так, модели демократии, успешно работающие в одних культурах, могут оказаться нежизнеспособными в других. Кроме того, не вполне понятно, какие именно признаки демократии обеспечивают их миролюбивость, тем более что демократизация порой провоцирует политическую мобилизацию масс, в том числе и шовинистических. Одни исследователи объясняют мир процедурными признаками демократии, другие – акцентируют ее культурно-нормативное измерение, третьи – подчеркивают значимость демократических институтов. Демократия сама по себе не является культурной универсалией, а всегда имеет те или иные национальные особенности. С учетом этого ее признаки (избираемость, свобода слова и т.д.) не доказывают

существования универсальной модели организации политической жизни, а представляют собой продукт конкретных уникальных социальных условий. Более того, в исторических коллизиях периода XX – начала XXI века прослеживается то, что демократии, демонстрируя миролюбивость, не всегда руководствуются моральными соображениями и правовыми нормами, делая ставку на военную стратегию. Эти разногласия делают зыбкими основы теории демократического мира [Сидоренко 2017].

Проблема заключается в том, что третья волна кризиса демократии связана уже не столько с иллюзией согласия, сколько с иллюзией того, что военные действия осуществляются во благо, во имя мира и безопасности, т.к. ведутся с целью защиты или расширения демократии. Для этой иллюзии, возникшей за счет диктата единственной точки зрения, опасны дискуссии и экспертные мнения, поскольку они формируют иную реальность, а значит, допускают возможность альтернативных точек зрения, что, в свою очередь, создает риски и угрозы уже для постдемократии. У. Липпман указал: «Каждый демократ ощущает нутром, что опасные кризисы не совместимы с демократией, потому что ему известно, что, вследствие инерции масс, для принятия быстрых мер необходимо, чтобы решения принимались весьма небольшим числом людей и чтобы остальные слепо им подчинялись. Это не превратило демократов в непротивленцев, но при этом все войны, в которых участвовали демократические государства, велись ими во имя мира. Даже когда войны, по сути своей, были захватническими, то их искренне считали войнами в защиту цивилизации» [Липпман 2002, 259]. Таким образом, третья волна кризиса привела к формированию постдемократии, в которой вся власть принадлежит глобальному капиталу, а избиратели тешат себя мыслью о том, что они свободны в выборе своих комментариев и лайков, которые на самом деле управляются фабрикой согласия и цензурой, т.е. запретом на альтернативные точки зрения.

Постдемократия и проблема войны и мира

Классическую версию теории «вечного мира», оказавшей значимое влияние на становление современных подходов к определению сущности демократического мира, разработал Иммануил Кант. Свой план устранения войн и обеспечения мира между народами немецкий философ изложил в трактате «К вечному миру» [Кант 1964]. Этот проект основывается на идее о том, что

всемирная история представляет собой процесс развития человеческой свободы, и, соответственно, существует объективная закономерность перехода человечества к мирному состоянию и целесообразность создания союза народов на прочных основах. Естественное состояние людей, по мнению немецкого мыслителя, – это состояние войны. Однако прогресс человечества связан с достижением «вечного мира» между всеми государствами и народами посредством развития международной торговли и сотрудничества.

Причины войн И. Кант видел не только в человеческой природе, но и в законах общественной жизни. Отвергая вероломные средства ведения войны, мыслитель все же признавал оборонительные войны, а также войны ради основания национального государства. При этом философ писал, что совершенствование средств вооруженной борьбы, обусловленное прогрессом в технике и производстве, равно как и обострение противоречий между государствами, делают войну все более опасным и рискованным предприятием. Несомненно, война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, приведет к «вечному миру» лишь на гигантском кладбище человечества. Таким образом, угроза взаимного уничтожения создает дополнительные предпосылки для сознательного установления между государствами «вечного мира». Переход к «вечному миру», по мнению И. Канта, будет проявлением приведения жизни народов в соответствие с велением категорического императива, необходимым следствием развития их морального сознания. Механизмом перехода к «вечному миру» должно стать заключение государствами сначала предварительного, а затем окончательного договора о создании союза народов в форме федерации государств, каждое из которых сохраняет свой суверенитет [Сидоренко 2017; Кантовский проект... 2013].

Однако, как показала история, тенденции развития международных отношений порой создавали иллюзию трансформации баланса сил в баланс интересов. Но разум, подкрепленный доброй волей, вопреки надеждам И. Канта, не одержал верх над иными составляющими мировой политики. В этих условиях представители современной школы теории «демократического мира», такие как Майкл Дойл [Doyle 1983], Брюс Рассет [Russet 1993] и др., подошли с новых позиций к старой идее о том, что демократии не вступают в вооруженную конфронтацию друг с другом и разрешают имеющиеся противоречия исключительно мирным путем. Например,

М. Дойл в статье «Кант, либеральное наследие и международные дела» [Doyle 1983] предложил развернутое объяснение внутренних причин демократического мира. Опираясь на идеи И. Канта о влиянии внутреннего устройства государств на внешнюю политику, М. Дойл утверждал, что во внешней политике государства руководствуются такими же ценностями, что и во внутренней. Общность ценностей демократических государств способствует расширению и укреплению их мирного союза по мере роста числа демократий. В то же время либеральные ценности, определяющие мир между демократиями, вызывают агрессивность по отношению к автократиям, тем самым порождая угрозу войны против недемократических государств. Суть рассуждений М. Дойла заключается в следующем: поскольку автократии – это потенциальные агрессоры, которые не руководствуются либеральными ценностями, распространение либеральных ценностей вовсе не исключает угрозы войн против недемократических государств. Исходя из этого, становится очевидным, что при таких режимах степень превентивной агрессивности демократий будет в среднем схожей с отношениями между авторитарными государствами. Общая частота участия демократий в войнах должна быть ниже, поскольку демократии не воюют друг с другом. Однако в реальности снижения не происходит: если для горячих военных конфликтов это характерно, то в таких явлениях, как гибридная прокси-война, демократии принимают хоть и косвенное, но активное участие [Сидоренко 2017].

Развивая идеи М. Дойла, Б. Рассет в книге «Понимание демократического мира» [Russet 1993] попытался доказать, что даже в случае возникновения конфликта между демократиями существует много возможностей для мирного урегулирования споров. Вместе с тем он указывал на преобладающую роль общественного мнения и политических партий, способных в определенных условиях сдерживать возможные агрессивные наклонности политиков. Таким образом, сторонники теории демократического мира утверждают, что демократии могут преодолеть традиционные императивы политики силы и анархического порядка в международных отношениях. По их мнению, современные демократии способны воздерживаться от агрессии друг против друга, даже если силовое разрешение противоречий может быть в чем-то выгоднее мира. Тем не менее они сохраняют готовность к нападению на недемократические режимы, поскольку не рассматривают их

в качестве полноценных субъектов международных отношений. Этот аргумент, собственно, и служит оправданием применения силы для распространения демократии в мире. Ввиду угроз, актуальных для современного мира, таких как геноцид, этнические чистки, экологические преступления, терроризм и т.д., теория демократического мира раскрывает неэффективность сложившейся системы коллективной безопасности. В частности, традиционные интересы государств как участников международных отношений выступают препятствиями на пути предотвращения преступлений против человечности. В то же время основной источник войн в них связан с отсутствием демократии, репрессивным характером политических режимов [Сидоренко 2017].

Неубедительны и институциональные аргументы теории демократического мира. Т.н. взаимное доверие и уважение среди демократий нередко оказывается лишь видимостью, если речь идет о борьбе за власть и национальную безопасность. Особенно агрессивны в достижении военно-стратегических целей империи и великие державы. Практика показывает, что сдержки и противовесы демократических систем принятия решений далеко не всегда ограничивают милитаристские устремления лидеров [Сидоренко 2017; Российское общество... 2017].

Спецификой складывающейся новой политической постдемократической системы становится преобладание силы и экономической мощи над нравственностью и правом, что находит отражение в концепте «военизированный гуманизм», введенном в социально-гуманитарное знание американским лингвистом Н. Хомским [Хомский 2014]. «Военизированный гуманизм» представляет собой изнанку экспансии демократии, допускающей применение и угроз, и силы, как с использованием санкций международных институтов, в том числе и ООН, так и без них. Это, в свою очередь, позволяет нам предположить, что современный демократический мир основан на «гуманитарной интервенции». «Военизированный гуманизм» как результат политики военных угроз, призванных мирно производить глобальные перемены, выступает причиной размывания различий между войной и военной угрозой: мирные средства становятся тождественны непрерывной подготовке к войне.

Разумеется, можно указать на то, что демократии в большей степени стремятся к миру, чем авторитарные и тоталитарные режимы. Однако военная практика конца XX – начала XXI века

показывает, что демократии в борьбе за расширение демократических устоев ведут себя агрессивно и не испытывают проблем в развязывании военных конфликтов с «недемократическими» странами. Целесообразно обратить внимание на то, что демократия как форма ненасильственного разрешения конфликтов, без насильственного сопротивления собственному «окостенению» как суммы процедур и управленческих технологий может вырождаться в свою противоположность. Именно этим объясняются слова одного из отцов-основателей США Т. Джефферсона: «Какая страна в прошлом существовала бы полтора века без восстаний? И какая страна может уберечь свои свободы; если ее правителям время от времени не напоминают, что народ сохраняет дух сопротивления? Пусть люди возьмут оружие... Что значит потеря нескольких жизней в масштабе одного-двух веков? Дерево свободы должно подпитываться кровью патриотов и тиранов. Это – его естественное удобрение» [Jefferson 1955, 356; Капустин 2010, 69–70].

Вместе с тем демократия перестала выступать основанием для выстраивания идентификационного проекта, т.к. существующие рейтинги/замеры демократичности тех или иных режимов говорят лишь о пластичности измерительной системы, а также о ее зависимости от заказчика такого измерения. Этот процесс ослабления демократии как идентификационного проекта идет параллельно с процессом трансформации войны из средства политики в политику как таковую и новое основание идентичности: если в Новое время войны во многом выступали инструментом создания и цементирования наций и национальных государств, то современные войны (конец XX – начало XXI века) конструируют идентичности (однако в ситуации кризиса идентичности неопределенным оказывается как Другой в его инаковости, так и собственный образ, что открывает безграничные возможности для конструирования образа врага). Вопрос о том, кто – друг, а кто – враг, остается открытым. Например, все участники войны с террором, как и террористы, считают себя жертвами и используют свой статус жертвы для легитимного принятия своей экспансионистской политики. Свобода в конструировании идентичности оборачивается свободой и в конструировании образа врага. Исходя из этого, можно предположить, что подозрения в терроризме дают карт-бланш на конструирование постоянно изменяющихся репрезентаций врага. Это приводит к тотальному расширению границ внутренней безопасности, игнорированию суверенитета

государства. Гибкость в определении врага дает возможность мощным державам начинать превентивные войны под предлогом самообороны, вводить чрезвычайное положение. Степень демократичности уже не является преградой для такой агрессии, а наоборот, выступает ширмой, скрывающей эту агрессию.

Заключение

Кризис демократии привел к тому, что безопасность как одна из значимых ее целей в начале XXI века поставлена под вопрос. Многие исследователи, например, С. Хантингтон [Хантингтон 2003], Л. Ферраджоли, М. Тэтчер и др., в качестве решения проблемы видели необходимость создания и реализации проекта глобальной демократии, т.е. такой, которая будет выходить за рамки границ государств, и соответственно, создание нового политического лидерства. Однако в решении этой задачи видится много неизвестных. Во-первых, непонятно, что могло бы выступить в качестве цементирующего основания для нового единства, кроме войны и диктата; во-вторых, в ситуации падения доверия к власти часто не столько насилие, сколько угроза насилия служит средством для стабилизации и повышения управляемости общества, а значит, необходимо решать вопрос о том, как вернуть доверие народа; в-третьих, в ситуации кризиса доверия по отношению к власти проблематичным является возвращение к диалогу и открытым коммуникациям в существующем пространстве диктата одной точки зрения и культуры отмены. С точки зрения немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса, преодоление кризиса демократии будет возможным лишь при условии активизации участия гражданского общества в демократических процедурах, т.к. «разумные и честные решения могут быть достигнуты только посредством гражданского обсуждения общественных проблем» [Хабермас 2001, 392]. Правительства должны иметь возможность своевременно реагировать на требования граждан, но для этого они должны их слышать. Установка на невовлеченность масс, их политическую апатию приводит лишь к имитации внешних формальных признаков демократии, что не обеспечивает реализации демократических норм в действительности.

Проблема осуществления подлинной коммуникации или коммуникативной рациональности, к которой призывал Ю. Хабермас, заключается еще и в том, что в пространстве доминирования культуры отмены исчезает место для дискуссии и обмена аль-

тернативными мнениями, происходит отгораживание стран друг от друга: мы удивительно быстро возводим стены между собой. В результате мир балансирует на грани зыбкого равновесия и продолжает основываться на праве силы, а не на силе права. Правомерен вывод Ю. Хабермаса о том, что «спираль насилия начинается со спирали нарушенной коммуникации, что – через спираль взаимного неконтролируемого недоверия – и ведет к краху коммуникации. <...> В повседневной коммуникативной практике должны быть созданы возможности для формирования капитала доверия. Только при этом условии реальным станет действенное просвещение в СМИ, школах и семьях. Оно должно быть также привязано к предпосылкам собственной политической культуры [населения]» [Хабермас 2008, 21]. Кризис демократии, выразившийся в ее имитации в форме постдемократии, ставит под вопрос и возможность альтернативы такой формы правления. Но, чтобы увидеть иные возможности и пути преодоления кризиса, необходимо вернуться к диалогу и снять запрет на альтернативные точки зрения. Для этого следует не оглулять большинство, превращая его то в апатичную, то в невротизированную массу, а просвещать и активно вовлекать в жизнедеятельность общества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бенетон 2002 – Бенетон Ф. Введение в политическую науку / пер. с фр. М.М. Федоровой. – М.: Весь мир, 2002.

Бособрод 2014 – Бособрод П.А. К проблеме кризиса современной демократии // Политическая экспертиза: Политэкс. 2014. Т. 10. № 3. С. 198–208.

Вятр 2019 – Вятр Е. Кризис либеральной демократии в XXI веке: сравнительная перспектива // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019. № 2. С. 79–84.

Кант 1964 – Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1964. С. 257–347.

Кантовский проект... 2013 – Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики: материалы Междунар. семинара / под ред. А.С. Зильбера, А.Н. Саликова. – Калининград: Изд-во БФУ имени И. Канта, 2013.

Капустин 2010 – Капустин Б.Г. Критика политической философии: избранные эссе. – М.: Территория будущего, 2010.

Крауч 2010 – Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана; науч. ред. В.В. Анашвили. – М.: ИД Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010.

Липпман 2002 – *Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

Российское общество... 2017 – Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь мир, 2017.

Сидоренко 2014 – *Сидоренко И.Н.* Приватизация насилия в эпоху глобализации // *Философия и ценности современной культуры: материалы Междунар. науч. конф.* – Минск: БГУ, 2014. С. 645–648.

Сидоренко 2017 – *Сидоренко И.Н.* Философия насилия: от метафоры к концепту. – Минск: БГУ, 2017.

Тэтчер 2003 – *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира / пер. с англ. В. Ионовой; ред. Е. Харитоновой. – М.: Альпина Паблишер, 2003.

Хабермас 2001 – *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001.

Хабермас 2008 – *Хабермас Ю.* Расколотый Запад / пер. с нем. О.И. Величко, Е.Л. Петренко. – М.: Весь мир, 2008.

Хантингтон 2003 – *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003.

Хомский 2014 – *Хомский Н.* Системы власти: беседы о глобальных демократических восстаниях и новых вызовах американской империи / пер. с англ. В. Глушакова. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014.

Шмитт 2000 – *Шмитт К.* Политическая теология: сборник / пер. с нем. А.П. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.

Doyle 1983 – *Doyle M.* Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs. Part I // *Philosophy and Public Affairs*. 1983. Vol. 12. No. 3. P. 205–235.

Jefferson 1955 – *Jefferson T.* Letter to William Srevens Smith, November 13, 1787 // *The Papers of Thomas Jefferson*. Vol. 12 / ed. by J.P. Boyd. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1955. P. 355–357

Lang 2000 – *Lang K.* Public Opinion // *Encyclopedia of Sociology* / ed. by E.F. Borgatta, R.J.V. Montgomery. Vol. 3. – New York: MacMillan, 2000. P. 270–294.

Russet 1993 – *Russet B.* Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993.

Ferrajoli 2005 – *Ferrajoli L.* The Crisis of Democracy in the Era of Globalization // *Law and Justice in a Global Society*. – Granada: Editorial Universidad de Granada, 2005. P. 53–59.

REFERENCES

Bénéton P. (2002) *Introduction to Politics*. Moscow: Ves' mir (Russian translation).

Bosobrod P.A. (2014) On the Problem of the Crisis of Contemporary World. *Politeks*. Vol. 10, no. 3, pp. 198–208 (in Russian).

Chomsky N. (2014) *Power Systems: Conversations on Global Democratic Uprisings and the New Challenges to U.S. Empire*. Moscow: KoLibri. Azbuka-Attikus (Russian translation).

Crouch C. (2010) *Post-Democracy*. Moscow: State University – Higher School of Economics Publishing House (Russian translation).

Doyle M. (1983) Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs. Part I. *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 12, no. 3, pp. 205–235.

Ferrajoli L. (2005) The Crisis of Democracy in the Era of Globalization. In: *Law and Justice in a Global Society* (pp. 53–59). Granada: Editorial Universidad de Granada.

Gorshkov M.K. & Petukhov V.V. (Eds.) (2017) *Russian Society and the Challenges of the Times*. Moscow: Ves' mir (in Russian).

Habermas J. (2001) *The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Habermas J. (2008) *The Divided West*. Moscow: Ves' mir (Russian translation).

Huntington S. (2003) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Moscow: ROSSPEN (Russian translation).

Jefferson T. (1955) Letter to William Stevens Smith, November 13, 1787. In: Boyd J.P. (Ed.) *The Papers of Thomas Jefferson* (Vol. 12, pp. 355–357). Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kant I. (1964) On the Perpetual Peace. In: Kant I. *Works in 6 Vols.* (Vol. 6, pp. P. 355–357). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Kapustin B.G. (2010) *Critique of Political Philosophy: Selected Essays*. – Moscow: Territoriya budushchego (in Russian).

Lang K. (2000) Public Opinion. In: Borgatta E.F. & Montgomery R.J.V. (Eds.) *Encyclopedia of Sociology* (Vol. 3, pp. 270–294). New York: MacMillan.

Lippmann W. (2002) Public Opinion. Moscow: Institute of the Foundation “Obshchestvennoe mnenie” (Russian translation).

Russett B. (1993) *Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Schmitt C. (2000) *Political Theology*. Moscow: KANON-Press-Ts (Russian translation).

Sidorenko I.N. (2014) Privatization of Violence in the Age of Globalization. In: Zelenkov A.I., Legchilin A.A., & Novikov V.T. (Eds.) *Philosophy and Values of Contemporary Culture* (pp. 646–649). Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Sidorenko I.N. (2017) *The Philosophy of Violence: From Metaphor to Concept*. Minsk: Belarusian State University (in Russian).

Thatcher M. (2003) *Statecraft: Strategies for a Changing World*. Moscow: Alpina Publisher (Russian translation).

Vyatr E. (2019) The Crisis of Liberal Democracy in the 21st Century: Comparative Perspective. *The Journal of Belarusian State University. Sociology*. No. 2, pp. 79–84 (Russian translation).

Zilber A.S. & Salikov A.N. (Eds.) (2013) *Kant Project of Perpetual Peace in the Context of Contemporary Politics*. Kaliningrad: I. Kant Baltic Federal University Publishing House (in Russian).